

Правовая картина мира России: проблема «ускользающего» права в русской традиции

Хабибова Э.Х.

Изучая современное состояние российского права, исследователи приходят к выводу, что, несмотря на наличие развитого по международным критериям законодательства, в России процветает правовой нигилизм, понимаемый как «дефектное правосознание» [Венгеров А.Б. Теория государства и права. Учебник. М., 1998. С. 583]. Российское общество никогда не связывало свое развитие с развитием идеи права. Но исследовать русское право, исходя из признания его ущербности относительно западноевропейских моделей государственности, - поступать несколько некорректно, т.к. данный подход будет отражать правовую культуру скорее с позиции страны-эталона, а не создавать собственную правовую модель, отражающую российскую правовую реальность.

Россия всегда осмысляла себя пограничной территорией (уже Киевская Русь маркировала себя страной, лежащей на пути «из варяг в греки»), испытывая перманентное тяготение к западной культуре на фоне периодического утверждения собственного пути развития. И, с точки зрения существующего законодательства, Россия, безусловно, принадлежит к Романо-германской правовой системе*, в которую входят также Германия и Франция – страны, чья государственность отлична от нашей. И речь сегодня должна идти именно об исследовании трансформации (а не деформации) западных образцов на русской почве с целью выявления уникального компонента, который составляет своеобразие русского права. И, возможно, что тогда правовой нигилизм будет осмыслен в иной парадигме. В конце концов, отсутствие сколько-нибудь общественно значимых трактатов по праву в русской литературе (на что в свое время обратил внимание Б. Кистяковский [Кистяковский Б.А. В защиту права. Интеллигенция и правосознание // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Правда, 1991]), свидетельствует не столько о неуважении к праву в нашем обществе, сколько о четком различении суда «по совести» от суда «по закону», где с точки зрения здравого смысла о первом говорить не принято, а о втором – бессмысленно.

Характерной чертой русского права является несоответствие нормативно-правового акта реальной практике правоотношений. Существование того или иного закона не всегда предполагало, что он должен быть каким-то образом претворен в жизнь. Так, с одной стороны, *de jure* смертная казнь в России не существовала до XIV века, хотя в действительности применялась и весьма

* Для Романо-германской правовой системы характерно признание важнейшим источником права нормативно-правовой акт (закон), выделение и кодификация отраслей права. Судебный прецедент и обычай как источники права не имеют самостоятельного значения.

активно [*Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 306.] С другой стороны, «русские узаконения, как правило, не рассчитаны на употребление: это либо угроза, либо некое упование» [*Панченко А.М.* О русской истории и культуре. СПб.: Азбука, 2000. С. 385]. Так, когда Соборным уложением 1649 года была введена смертная казнь матери за убийство своего незаконнорожденного ребенка, за этим не последовало ни одно реальное судебное разбирательство. Пятилетние планы Советской России периода коллективизации и индустриализации очевидно превышали допустимые человеческие и технические возможности, однако же, официально фиксируемые цифры совпадали с указанной нормой, а производство приближалось к своему естественному максимуму. Но если бы требования изначально соответствовали потенциалу, то результативность, надо полагать, была бы значительно ниже.

Другой исторически сложившейся особенностью правоотношений в России является постоянное выстраивание вертикальных правовых связей (государство-подданный) при явном тяготении общества к утверждению горизонтальных (коллективно-родовых) отношений. Вплоть до Соборного Уложения 1649 года русское право было правом обычным, выделяющим в качестве субъекта права в первую очередь коллектив (род, общину) [*Денн Ф.О.* О наказаниях, существовавших в России до царя Алексея Михайловича. СПб. 1849]. Идея коллективной ответственности продолжает существовать и сегодня, сохранившись в виде института товарищеских судов, в виде коллективной поруки, согласно которой ответственность за правонарушение (например, хищение) в коллективе в равной степени распределяется между всеми его членами. Сюда же можно отнести и институт взяточничества.

Но ключевым моментом для понимания русского права является отношение общества к судебной системе. Человечеству известны две формы судебного процесса: талион («око за око») и ордалия (божий суд). Все правовые кодексы, начиная с Русской Правды, воспроизводили первый процесс, однако в действительности правовую гносеологию могло обеспечить лишь некодифицированное употребление ордалии. Это означает, что в русской правовой картине мира любое преступление сразу же оказывалось преступлением против бога, для которого не существует эквивалентного наказания, а следовательно, и земные суды бессильны. Дуализм русской культуры* обеспечивался и активизировался найденным соотношением двух этих сфер: нарушение закона стало необходимым условием для устойчивого функционирования социального целого [*Софронов-Антомони В.* «Правовое бессознательное»: Русская правовая картина мира // Логос. 2002. № 1. С. 4-15]. Таким образом, можно говорить о том, что под подлинным правом в

* Отсутствие нейтральной зоны (роль которого в европейской культуре играет чистилище) в русской культуре делает любое поведение человека либо абсолютно праведным, либо абсолютно греховным. Любое культурное преобразование оказывается также возможным лишь как отрицание предыдущей культурной традиции [См.: *Успенский Б.А.* Этюды о русской культуре. – СПб.: Азбука, 2002].

русской культуре традиционно понимается не текст кодекса, не существующее законодательство, а некое божественное постановление, которое никогда не может быть зафиксировано на бумаге, обнаружено в полной мере человеком. ««Нарушение закона в определенной ситуации» оказывается вписанным в правовую картину мира, является необходимым для его функционирования» [Там же. С. 14].